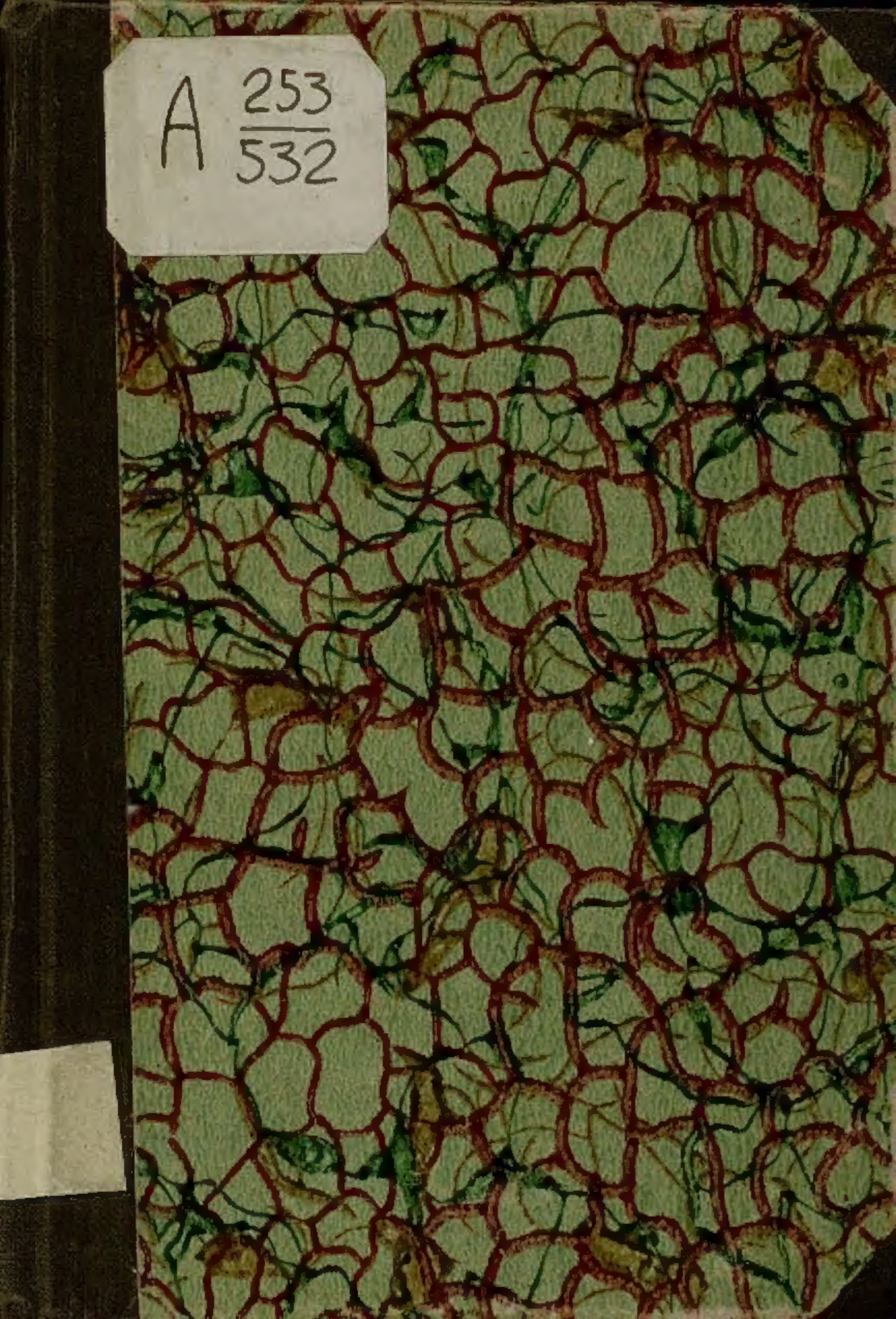
A 253/532



Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ № 756.

Д. Турскаго.

ОСТЯКИ.

А 253
332

НАРОДЫ РОССІИ.

Подъ редакц. Н. Харузина.

Цѣна 6 коп.

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. № 749.

ф I-77
16720

НАРОДЫ РОССІИ

подъ ред. Н. Харузина.

ОСТЯКИ.

Д. Турскаго.

Москва. 1898.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.
Моховая, домъ кн. Гагарина.

Дозволено цензурою. Москва, 5 февраля, 1898 г.

ОСТЯКИ.

I. Гдѣ живутъ остяки.

Есть въ Западной Сибири высокія снѣговыя горы—Алтай. Съ нихъ стекаетъ много большихъ рѣкъ, которыя потомъ сливаются въ одну многоводную рѣку Обь. Обь течетъ потомъ на пять тысячъ верстъ и впадаетъ въ Сѣверное Ледовитое море. Обь одна изъ величайшихъ рѣкъ въ мірѣ; даже нѣкоторые притоки ея больше многихъ главныхъ рѣкъ, текущихъ въ другихъ частяхъ свѣта. Самый большой изъ ея притоковъ называется Иртышъ. Лѣвый берегъ Оби и ея притоковъ—низменный; по нимъ тянутся заливные луга, попадаются озера; но бо́льшая часть этихъ береговъ покрыта непроходимыми болотами, на которыхъ только кое-гдѣ торчатъ корявыя березки да сосенки. Эти болота тянутся иногда на сотни верстъ, и много

путниковъ, много охотниковъ погибло въ нихъ. Весной многоводныя рѣки разливаются и затопляютъ низменныя мѣста. Такъ какъ эти рѣки очень длинны, то онѣ вскрываются не сразу: верховья, гдѣ потеплѣе, вскрываются раньше; верховый ледъ идетъ внизъ по рѣкѣ и доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ ледъ еще не тронулся. Тутъ скопляются цѣлыя горы льда, которыя задерживаютъ воду и заставляютъ ее выходить изъ береговъ на десятки и сотни верстъ. И вотъ огромныя пространства затоплены водой: кое-гдѣ только выступаетъ изъ воды холмикъ или дерево; въ сильный вѣтеръ волны ходятъ, словно на морѣ. Случается, что непогода застанетъ тутъ путника въ лодкѣ—плохо приходится ему; чтобы спастись, онъ причаливаетъ къ дереву, которое торчитъ изъ воды, хватается за него и пережидаетъ на немъ бурю иногда въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Правый берегъ Оби, наоборотъ, высокъ, гористъ и почти сплошь покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Въ этихъ лѣсахъ растутъ кедровыя деревья, пихты, ели и лиственницы. Такіе хвойные, дикіе, дремучіе лѣса называются *урманами*. Въ нихъ водится много звѣрей и дичи. Жаль только, что урманы сильно горятъ: часто вмѣсто дремучаго лѣса остаются только одни обгорѣлые пни, да поваленныя деревья; на мѣстѣ такихъ непроходимыхъ трущобъ

послѣ пожаровъ съ теченіемъ времени образуются новыя болота. А кромѣ того, лѣсные пожары сильно истребляютъ звѣря.

Мѣстность на сѣверѣ, ближе къ морю, почти совсѣмъ неудобна для жилья. Здѣсь тянутся такъ называемыя тундры. Вмѣсто лѣсовъ въ нихъ растутъ низкорослые кустарники. Болотистая, поросшая мхомъ тундра замерзаетъ на большую часть года. Земля на глубинѣ полуаршина никогда не оттаиваетъ.

Климатъ этой страны суровый, зима длинная, лѣто короткое и дождливое.

Съ незапамятныхъ временъ разселились здѣсь остяки, и разселились больше по берегамъ рѣкъ, потому что рѣки служатъ тамъ единственными удобными дорогами. Больше чѣмъ на полторы тысячъ верстъ заняли остяки берега Оби отъ самаго впаденія ея въ Сѣверное Ледовитое море; верстъ на пятьсотъ тянутся они по Иртышу и на такое же пространство по другимъ рѣкамъ, притокамъ Оби и Иртыша. Эта мѣстность занимаетъ три уѣзда Тобольской губерніи: Тобольскій, Березовскій и Сургутскій. Не всѣ мѣста и по берегамъ рѣкъ удобны для жилья. Поэтому населеніе живетъ не густо; поселки, такъ называемыя юрты, остяковъ отстоятъ другъ отъ друга очень далеко, иногда на сотню верстъ. Поэтому, хотя остяки и занимаютъ такое огромное пространство, но всѣхъ ихъ немного, около 22-хъ тысячъ человѣкъ.

Остяки принадлежатъ къ финскому племени. По сосѣдству съ ними въ Тобольской губерніи живетъ небольшой народецъ одного съ ними племени—вогулы.

Другіе сосѣди ихъ: самоѣды къ сѣверу, сибирскіе татары къ югу и зыряне къ западу.

Зыряне обыкновенно занимаются торговлей; народъ они хитрый и постоянно обманываютъ довѣрчивыхъ и добродушныхъ остяковъ. Кромѣ того, теперь среди остяцкаго населенія есть и русскіе; они живутъ тамъ, гдѣ поудобнѣе, гдѣ мѣстность побогаче, житье попривольнѣе.

II. Объ одеждѣ, жилищахъ и пищѣ остяковъ.

Росту остяки невысокаго. Лицо у остяка круглое и плоское, съ приплюснутымъ носомъ и выдающимися скулами, смуглое, желтоватаго цвѣта; съ рѣденькими усами и бородкой или совсѣмъ безбородое; на головѣ жесткіе, гладкіе волосы, обыкновенно темнаго цвѣта. Женщины еще меньше ростомъ, чѣмъ мужчины. Волосы свои заплетаютъ въ косы; прежде и мужчины носили косы, и носятъ еще и теперь кое-гдѣ въ глухихъ мѣстахъ; чаще же мужчины оставляютъ длинные волосы и распускаютъ ихъ по плечамъ. Женщины съ жид-

кими волосами любятъ надѣвать по праздникамъ травяныя косы, которыя въ будни вѣшаютъ гдѣ нибудь на стѣну въ своемъ жилищѣ.

Большой разницы въ мужской и женской одеждѣ нѣтъ Дѣвушки одѣваются такъ же, какъ женщины; только дѣвушка одѣнется по нарядиѣе, надѣнетъ побольше разныхъ украшеній, до которыхъ остяки большіе охотники.

Зимняя одежда состоитъ изъ „малицы“. Это шуба въ видѣ сорочки, длиною до колѣнъ. Она шьется изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внутрь, съ рукавами, къ которымъ пришиваются рукавицы. Внизу малица обшивается мѣховыми полосами и опушкой по подолу изъ собачьяго или волчьяго мѣха; самой лучшей отдѣлкой считается обшивка изъ собачьей шкуры съ длинной бѣлой шерстью. Малица надѣвается черезъ голову прямо на тѣло. Ее подпоясываютъ широкимъ кожанымъ поясомъ съ мѣдными украшеніями, пуговицами и пряжками. Къ поясу подвѣшиваются ножъ и мѣшечки для разныхъ вещей, напримѣръ огнива, трута, точила, иголокъ, нитокъ изъ оленьихъ жилъ и проч.— Кое-гдѣ и остяки и остячки носятъ мѣховые короткіе штаны; у женщинъ они длиннѣе, чѣмъ у мужчинъ, но всетаки не ниже колѣнъ. На ноги надѣваютъ прямо на тѣло чулки, сшитые изъ оленьей шкуры шерстью внутрь, длиною до колѣнъ, а сверхъ нихъ такіе же са-

Остякъ въ зимней одеждѣ.

ноги, шерстью наружу и длиною выше колѣнъ. Сапоги привязываются ремешками къ штанамъ. Но холодной зимой этой одежды мало. Поэтому поверхъ малицы надѣваютъ другую одежду, называемую „гусь“. Она шьется такъ же, какъ и малица, только шерстью вверхъ, и дѣлается гораздо длиннѣе, почти до пятъ. Въ сильный морозъ въ дорогу надѣваютъ еще на ноги мѣховые сапоги, набитые сухой травой; въ нихъ ходить трудно, можно только ѣхать. Шапки свои остяки пришиваютъ къ малицѣ или къ гусю. Шапки также мѣховыя. Вотъ обыкновенная одежда. При поѣздкѣ же въ гости или на праздникахъ надѣваются одежды понарядиѣе. Поверхъ малицы носятъ чехолъ, сдѣланный изъ разноцвѣтнаго сукна, или же такъ называемую „парку“—одежду подлиннѣе малицы и покороче гуся. Она мѣховая и вся разукрашена узорами изъ разноцвѣтныхъ мѣховыхъ или суконныхъ полосокъ. Женщины щеголяютъ большими мѣховыми чепцами, обшитыми разноцвѣтными мѣхами, суконными лентами, лоскутками; къ нимъ привѣшиваютъ мѣдныя побрякушки, кольца, кружки. Эти украшенія довольно тяжелы: ихъ навѣсятъ иногда до 10 фунтовъ; но чѣмъ больше, тѣмъ считается лучше. Остячка очень любитъ, чтобы при ходьбѣ больше было звону отъ ея украшеній. Лѣтомъ остяки надѣваютъ рубашку и сапоги изъ оленьей замши

Остячка въ зимней одеждѣ.

и иногда еще штаны,—тамъ, гдѣ ихъ носятъ. Рубашки ни мужчины, ни женщины не опоясываютъ. Вмѣсто зимняго мѣхового гуся лѣтомъ носятъ суконный. Женскія одежды отличаются отъ мужскихъ тѣмъ, что дѣлаются подлиннѣе и вышиваются очень часто бисеромъ на груди, воротѣ, и разноцвѣтными шерстями по подолу. Вышивать остячки большія мастерицы. При женщинѣ всегда находится рабочій мѣшечекъ съ нитками и иголками. Одежды всѣ шьются женщинами; поэтому всякая остячка умѣетъ приготовить себѣ и мужу и семьѣ необходимую одежду. Но и между ними есть такія мастерицы, которыя на далекое разстояніе славятся своимъ искусствомъ и часто получаютъ заказы къ свадьбѣ или къ празднику. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много русскихъ, тамъ остяки начали носить русскую одежду: русскіе сапоги и полушубки; въ такихъ мѣстахъ по одеждѣ уже не узнаешь, русскій это или остякъ. Чѣмъ дальше на сѣверъ и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ меньше русскихъ и тѣмъ больше сохранили остяки свою одежду.

Жилища остяковъ различныя, смотря по времени года и по занятіямъ хозяевъ. Самое обычное остяцкое жилище называется „чумомъ“. Чумъ—это палатка, которая устраивается слѣдующимъ образомъ Берутъ нѣсколько длинныхъ шестовъ, втыкаютъ ихъ въ землю и связываютъ

наверху. Ихъ покрываютъ оленьими шкурами; вверху остается отверстіе для выхода дыма; вмѣ-

Дѣвушка остячка въ лѣтней одеждѣ.

сто двери—отверстіе сбоку, закрываемое шкурой. Внутри чума сверху свѣшивается крюкъ для котла; подъ котломъ разводится костеръ, кото·

рый горитъ все время и служитъ и для варки пищи, и для нагрѣванія чума. Несмотря на это, зимой въ чумѣ все-таки холодно. Внутри чума по сторонамъ валяются оленьи шкуры,— это постели; вверху протягиваютъ палки съ нанизанной на нихъ рыбой, которая тутъ же вялится и коптится. Въ чумѣ и холодно, и грязно, и дышать трудно. Около такого чума всегда стоитъ нѣсколько саней—„партъ“, нагруженныхъ имуществомъ инородца и разными запасами.

Лѣтнее жилище—тотъ же чумъ, только покрывается онъ не оленьей шкурой, а берестой. Бересту для этого вываривaютъ, чтобы она не ломалась, и сшиваютъ. Такія жилища—чумы—потому удобны, что ихъ можно перевозить съ мѣста на мѣсто. У осѣдлыхъ же инородцевъ, т. е. тѣхъ, которые живутъ на одномъ мѣстѣ, бываютъ и избы, очень маленькія и невзрачныя. Четыреугольный срубъ дѣлается изъ тонкихъ бревенъ или изъ необдѣланныхъ досокъ. Щели забиваются мхомъ. Крютъ избы берестой, сверхъ нея накладываютъ рядъ тонкихъ бревенъ или досокъ. Потолка не бываетъ. Внутри дома тянется нѣсколько шестовъ, на которые вѣшаются одежды и разные припасы. Полъ въ домѣ земляной; нарѣдка его покрываютъ берестой. Въ домъ ведетъ низенькая дверь съ высокимъ порогомъ. Внутри въ правомъ углу сдѣланъ

„чувалъ“; это—печка плетеная изъ сучьевъ, обмазанныхъ глиной; труба выходитъ наружу. Въ домѣ одно только окно, которое затягивается оленьимъ пузыремъ или рыбьей кожей. Иногда въ него вставляютъ и стекло. По стѣнамъ—нары, покрытыя оленьими шкурами; на нихъ спятъ домочадцы; въ переднемъ углу помѣщается хозяинъ; тутъ же хранится сундучекъ съ дорогими вещами и съ домашними идолами. Всѣ запасы и имущество остяка помѣщаются внѣ дома, въ выстроенныхъ подлѣ него сараюшкахъ. Они строятся на высокихъ столбахъ, какъ бы на ножкахъ, для защиты отъ звѣрей. Сараюшекъ и домовъ своихъ остяки не запираютъ. Сами они народъ очень честный и, уѣзжая даже далеко на промыслы, они спокойно оставляютъ ихъ безъ запора. Но сосѣди ихъ, зыряне и русскіе, своими кражами заставляютъ ихъ въ послѣднее время бережнѣе сохранять свое добро. — Въ такихъ то домахъ живутъ остяки. Нечего и говорить о чистотѣ при такой обстановкѣ; дѣйствительно, инородцы очень нечистоплотны.

Питаются инородцы мясомъ оленей, рыбы, птицы, дикихъ звѣрей, даже волка; употребляютъ въ пищу и падаль. Если есть пища, ѣдятъ помногу; за то, коли пищи нѣтъ, если рыба ловится плохо или охота была неудачна, приходится часто и цѣлые мѣсяцы ѣсть впроголодь. Остяки очень любятъ

оленій и рыбій жиръ, и сырой, и топленый, и всюду, если онъ только есть, примѣшиваютъ его въ пищу. Очень охотно ѣдятъ они сырье: ѣдятъ сырое мясо только что убитаго оленя, ѣдятъ сырьемъ только что пойманную рыбу, пьютъ цѣлыми ковшами сырую кровь оленей. Жарить мясо они не умѣютъ. Что не съѣдено сырьемъ, то потомъ варятъ. Все, что бы ни варилось, варятъ въ одномъ и томъ же котлѣ. Прежде остяки не знали муки; теперь они получаютъ ее отъ русскихъ и полюбили ее. Хлѣбъ пекутъ на длинной доскѣ или прямо на горячей золѣ: выходитъ и грязно, и съ просырью; да и муку торговцы поставляютъ плохую, часто съ пескомъ. Сѣверные остяки получаютъ отъ русскихъ хлѣбъ уже печеный: осенью въ Обдорскѣ (городъ при устьѣ Оби) русскіе начинаютъ печь ковриги, которыя лежатъ потомъ цѣлые мѣсяцы, дожидаясь рождественской ярмарки; во время ярмарки этотъ хлѣбъ раскупаютъ остяки въ запасъ на цѣлый годъ и увозятъ въ тундры. Нужно быть, конечно, очень неприхотливымъ въ ѣдѣ, чтобы питаться такимъ хлѣбомъ. Отъ русскихъ остяки получаютъ также и чай; пьютъ его очень охотно, но варятъ по своему—въ томъ же самомъ котлѣ, въ которомъ варятъ остальную пищу и подсыпаютъ туда же муки, ягодъ, а иногда кладутъ даже крови и сала. Большіе охотники они до слад-

СѢВЕРЪ
Сѣверный Ледовитый Океанъ
Новая Земля
Самоѣды
Уральскія горы
Самоѣды
Остяки
Тобольскъ
Киргизы
Татары
Томскъ
Красноярскъ
Алтайскіе татары
Алтай
Семипалатинскъ
Соіоты
Тунгусы
Пол. Таймыръ
Тунгусы
Якуты
Якутскъ
Бурятъ
Кяхта
Тунгусы
Яблоновый хребетъ
Юкагиры
Верхоянскія горы
Верхоянскъ
Якуты
Тунгусы
Нерчинскъ
Благовѣщенскъ
Хабаровка
Охотское море
Чукчи
Коряки
Камчатка
Японія
Китайская Имперія
ЮГЪ
ЗАПАДЪ
ВОСТОКЪ

каго: распродавъ рыбу на ярмаркѣ, закупитъ остякъ сахару и съѣстъ сразу нѣсколько фунтовъ... Еще больше любятъ они водку; пьютъ ее всѣ—и мужчины, и женщины, поятъ даже грудныхъ дѣтей. Пока не знали водки, — а узнали ее отъ русскихъ,—остяки опьяняли себя, съѣдая по нѣскольку мухоморовъ.

III. Какъ жили остяки въ старину.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остяки живутъ далеко отъ русскихъ, тамъ они больше остались такими же, какими были прежде, а гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ русскими, тамъ они все болѣе и болѣе русѣютъ, то есть много перенимаютъ у русскихъ, устраиваютъ свое житье-бытье на русскій ладъ, начинаютъ строить себѣ жилье въ родѣ русскихъ избъ, одѣваются по русски, говорятъ по русски и даже кое гдѣ, если позволяетъ земля, начали по примѣру русскихъ заниматься земледѣліемъ. Русскіе появились въ Сибири болѣе трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Раньше ихъ, часть остяцкой земли заняли татары. Остяки, живя подъ владычествомъ татаръ, переняли отъ нихъ многіе обычаи, переняли много татарскихъ словъ. Слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ при царѣ Иванѣ Грозномъ, русскіе подъ начальствомъ Ермака при-

шли въ Сибирь, покорили сибирскихъ татаръ и остяковъ.

Въ старину остяки жили родами. Роды состояли изъ нѣсколькихъ сотъ или даже тысячъ человѣкъ, которые считали другъ друга родственниками. Если они кочевали, то всѣмъ родомъ переходили съ одного мѣста на другое; а остяки осѣдлые, принадлежавшіе къ одному роду, владѣли сообща землею, всѣмъ родомъ охотились на своихъ родовыхъ земляхъ. Имуществомъ родичи владѣли сообща, а въ бѣдѣ помогали другъ другу. Каждый родъ имѣлъ своего старшину, который управлялъ родовымъ имуществомъ, производилъ судъ и расправу между родичами. Были въ старину у остяковъ и князья; они начальствовали надъ нѣсколькими родами. Каждое княжество имѣло свой городокъ, обыкновенно на возвышенномъ мѣстѣ, близъ воды—рѣки или озера,—которыя какъ лѣтомъ, такъ и зимой служатъ почти единственными дорогами въ тамошнемъ болотистомъ краѣ. Городки были укрѣплены на случай войны съ другимъ родомъ или съ внѣшними врагами, а такими врагами у остяковъ издавна были самоѣды, потомъ татары и наконецъ пришли русскіе. Отдѣльные роды часто враждовали между собой изъ за похищенія дѣвушекъ. У нихъ былъ въ старину обычай не брать женъ изъ своего рода, а брать изъ чужого ро-

да, или даже изъ чужого племени. Женихи крали невѣстъ; родъ не желалъ терять дѣвушку, лишнюю работницу, и потому роды жили въ постоянной враждѣ между собой. Такая же вражда была у нихъ и съ самоѣдами. Въ своихъ старинныхъ пѣсняхъ остяки поютъ про богатырей, какъ они добывали войной себѣ невѣстъ. Чтобы обороняться отъ враговъ и заведены были городки. Они были очень невелики; въ нихъ жилъ князь, его родные и слуги; остальное населеніе жило вокругъ городка и укрывалось въ немъ только во время непріятельскаго нашествія. Это все было въ старину; объ этомъ поется теперь въ остяцкихъ пѣсняхъ. Теперь же только нѣкоторые изъ самыхъ сѣверныхъ остяковъ, у которыхъ болѣе сохранилось старины, живутъ родами. Они кочуютъ вмѣстѣ и дѣлятся между собой добычей; кромѣ родства ихъ соединяетъ еще общая вѣра; у нихъ есть общіе родовые идолы, которыхъ чтитъ весь родъ. Большинство же остяковъ теперь осѣдлы, и земли ихъ принадлежатъ не отдѣльнымъ родамъ, а сельскимъ обществамъ, изъ сколькихъ бы родовъ они ни состояли. Это установлено уже русскими, которые устроили остяковъ посвоему и раздѣлили ихъ на волости, по русскому образцу.

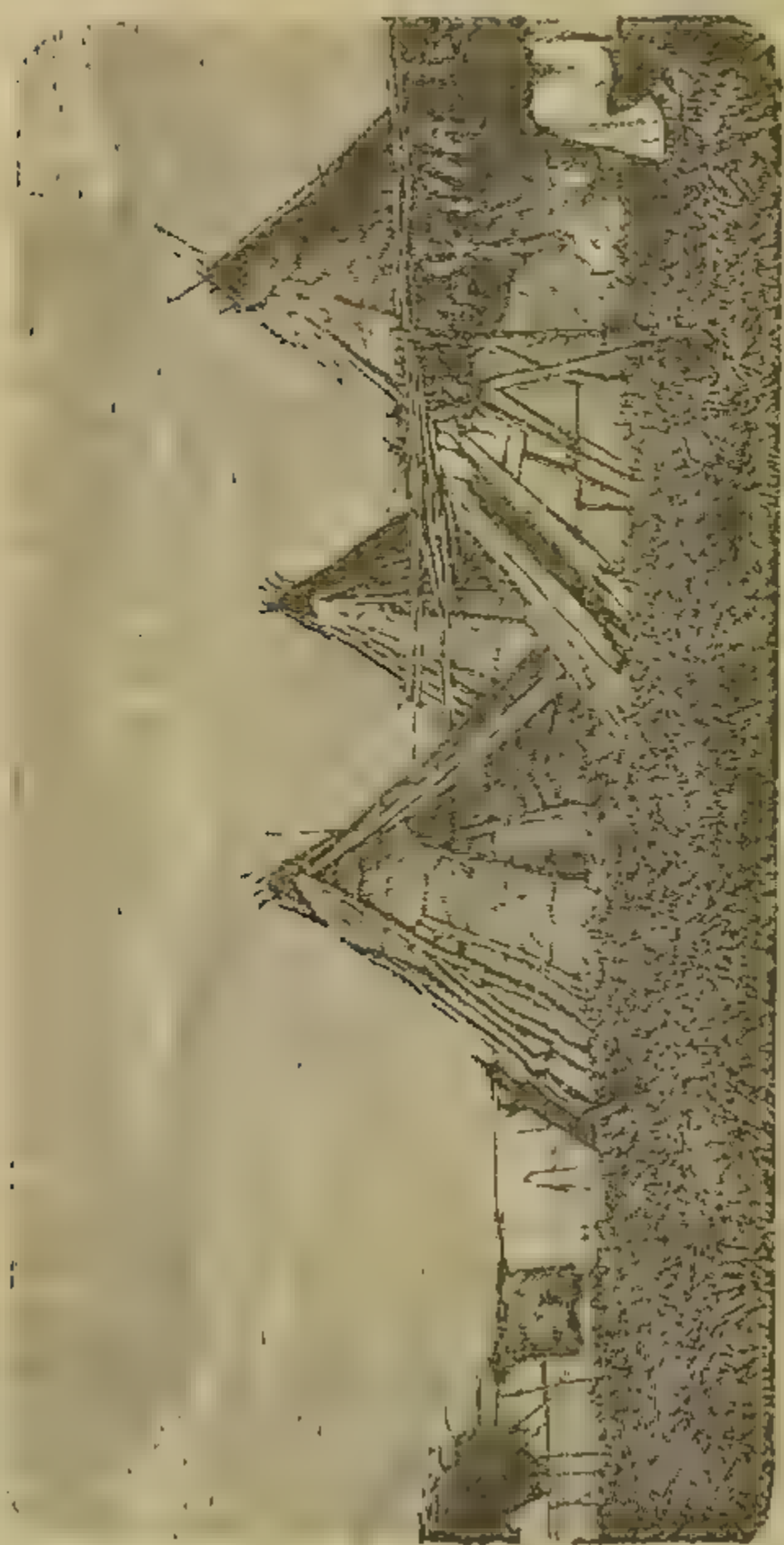
Покоривъ Сибирь, русскіе стали переселяться туда; сначала селились тамъ военные люди,

казаки, а затѣмъ торговые люди и крестьяне. Такъ выстроились русскіе города по всей Сибири. Выросли русскіе города,—города не важные,—и въ бѣдной остяцкой странѣ. Теперь во всей Сибири русскихъ вдвое болѣе, чѣмъ инородцевъ, а въ Тобольской губерніи ихъ чуть ли не въ 20 разъ больше чѣмъ остяковъ.

Въ царствованіе Петра Великаго (съ 1712 года) начинается просвѣщеніе христіанствомъ остяковъ, бывшихъ до тѣхъ поръ язычниками. Здѣсь потрудился архіепископъ Филоѳей; онъ объѣзжалъ земли остяковъ и вогуловъ, крестилъ язычниковъ, устраивалъ церкви. Трудно было ему ѣздить по этой дикой и чужой странѣ; остяки часто недружелюбно встрѣчали его; а кромѣ того, Филоѳею приходилось бороться еще съ татарскими проповѣдниками, которые желали обратить остяковъ въ свою магометанскую вѣру.

Теперь остяки считаются христіанами, только незначительная часть ихъ на крайнемъ сѣверѣ остается и теперь язычниками. Но остяцкія селенія разбросаны по обширной странѣ въ большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, часть остяковъ кочуетъ съ мѣста на мѣсто, церквей и священниковъ, которые бы могли ихъ просвѣщать, очень мало, а школъ, гдѣ бы они могли учиться, почти совсѣмъ нѣтъ. Поэтому остяки—народъ совсѣмъ темный; между ними

трудно встрѣтить грамотнаго, и понимать хри-



Лѣтнія жилища (чумы) остяковъ.

стіанскаго ученія они почти не могутъ. Не удивительно, что остяки, хотя и считаются

христіанами, на дѣлѣ остаются прежними язычниками, вѣрятъ въ своихъ боговъ и приносятъ имъ жертвы. Какъ и не быть иначе? Священнику трудно приходится въ тѣхъ мѣстахъ: приходы огромные, тянутся на тысячи верстъ. Для того, чтобы окрестить младенца или отпѣть покойника, ему пришлось бы проѣхать сотни верстъ на собакахъ или оленяхъ въ зимнюю стужу. Поэтому младенцевъ крестятъ, покойниковъ отпѣваютъ, вѣнчаютъ — по христіанскому сбряду спустя долгое время послѣ рожденія, смерти и совершенія свадьбы по языческому обычаю Остякъ крещенный носитъ крестъ, творитъ крестное знаменіе, въ случаѣ болѣзни пообѣщаетъ поставить свѣчу къ образу за свое выздоровленіе, или передъ началомъ рыбной ловли, чтобы ловъ былъ удачный...

Вотъ и все, что есть въ немъ христіанскаго. Но всетаки онъ скорѣе принесетъ жертву своимъ богамъ, чѣмъ пойдетъ въ церковь, скорѣе обратится къ своему шаману, т. е. къ своему жрецу, чѣмъ къ священнику. Нельзя сказать, чтобы остяки противились, не хотѣли быть христіанами; нѣтъ, они совсѣмъ не знаютъ, чему учитъ христіанская вѣра, въ которую они крещены, и не понимаютъ ея смысла. А научить ихъ некому. Остяки, одинаково смотрятъ и на язычество и на христіанство. Такъ, напри-

мѣръ, въ жилищѣ остяка-христіанина въ переднемъ углу можно найти образа, а вмѣстѣ съ ними найдешь у него и домашнихъ идоловъ. Свои языческія празднества остяки справляютъ жертвоприношеніями, за которыми слѣдуетъ попойка; поэтому они твердо увѣрены, что и христіанскіе праздники нужно справлять такимъ же образомъ, и пользуются случаемъ напиться въ эти дни.

IV. О вѣрѣ остяковъ.

Языческая ихъ вѣра проста. Остяки вѣрятъ въ многихъ боговъ, но надъ всѣми ними есть старшій. Этотъ главный богъ называется *Турумъ* или *Турмъ*. Онъ правитъ всѣмъ міромъ, и въ его рукахъ лежитъ судьба всѣхъ другихъ боговъ, всѣхъ людей и животныхъ. У него есть большая книга, въ которой сказано, сколько кто проживетъ. Добро и правда на землѣ отъ Турма. Онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ, отъ него не скроется ни добро, ни зло, сдѣланное остякомъ; Турмъ воздаетъ каждому по его заслугамъ и ни за что уже не проститъ согрѣшившаго человѣка. Остяки вѣрятъ, что міръ состоитъ изъ семи свѣтовъ; на седьмомъ, самомъ высокомъ, и живетъ Турмъ. У Турма есть сынъ, который помогаетъ ему управлять людьми. Онъ каждую ночь объѣзжаетъ землю

и отдаетъ отчетъ своему отцу въ томъ, что видѣлъ и слышалъ. По его разсказамъ Турмъ награждаетъ добрыхъ и наказываетъ злыхъ. Такъ какъ никакими жертвами, никакими мольбами нельзя расположить къ себѣ суроваго, непреклоннаго Турма, то остяки и не молятся ему, и не приносятъ ему жертвъ. Въ своихъ нуждахъ остякъ обращается за помощью къ меньшимъ богамъ, которыхъ у него очень много и которыхъ можно ублажить. Есть боги, которые охраняютъ цѣлые роды, цѣлыя семьи. Есть боги, которые живутъ въ водахъ, лѣсахъ и проч. Водяные боги называются „кули“; они вредятъ людямъ, чѣмъ только могутъ. Лѣсные называются „менки“. Семью охраняютъ домашніе боги „тонксы“. Остяку постоянно нужно то умилостивить какого-нибудь куля, то попросить о чемъ-нибудь менка, то поблагодарить тонкса.

Своихъ боговъ остяки обыкновенно изображаютъ въ видѣ идоловъ. Не изображаютъ одного только Турма. Большіе идолы обыкновенно находятся въ глухихъ мѣстахъ, въ лѣсу; ихъ остяки бережно скрываютъ отъ постороннихъ; только случайно можно напасть на такое мѣсто, гдѣ стоятъ идолы, предъ которыми остяки совершаютъ свои жертвоприношенія. Идолы остяцкіе—это не что иное, какъ доска или чурбанъ на которомъ очень незатѣйливо

вырѣзаны глаза и ротъ; вмѣсто глазъ вставляютъ стеклышки или кусочки свинца. Остяки одѣваютъ идоловъ такими же одеждами, какія носятъ сами. Эти одежды жертвуются богамъ по усердію. А остяки очень усердны; поэтому обыкновенно бываетъ навьючено на идола столько одеждъ, что его самого за ними почти невидно. Кромѣ одеждъ, жертвуютъ богамъ разныя украшенія, драгоцѣнности, деньги и всевозможныя вещи, которыя и складываются около идоловъ. Есть особые сборщики приношеній. Такъ какъ остяки очень щедры, то у каждаго изъ идоловъ скопляются огромныя богатства изъ дорогихъ мѣховъ, серебра и проч. Эти запасы въ прежнее время очень помогали остякамъ въ несчастныхъ случаяхъ; они служили для нихъ, какъ бы ссудными кассами; остякъ бралъ изъ запаса взаймы сколько нужно съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратить взятое. Остяки очень честны: никто изъ нихъ не рѣшится украсть, а потому они не боялись оставлять драгоцѣнности въ лѣсахъ около своихъ идоловъ. Но въ послѣднее время русскіе и зыряне находятъ остяцкіе склады приношеній и не стѣсняются обворовывать бѣдныхъ остяковъ. Тѣмъ болѣе остяки стараются скрывать мѣста своихъ богослуженій, гдѣ хранятся богатства, пожертвованныя богамъ.

Кромѣ большихъ идоловъ, которыхъ почи-

таетъ весь народъ остяцкій или отдѣльныя волости, у каждаго остяка дома есть свои божки, свои идолы. Это маленькія куклы, очень грубо сдѣланныя и одѣтыя въ разное тряпье и лоскутки, украшенныя бусами и проч. Эти куклы остяки дѣлаютъ сами; или же покупаютъ на ярмаркѣ обыкновенныя русскія дѣтскія игрушки, наряжаютъ ихъ и хранятъ дома у себя въ ящикѣ, почитая ихъ за боговъ. Остяки не боятся своихъ боговъ. Они приносятъ имъ жертвы и увѣрены, что боги должны исполнить ихъ просьбу; они какъ бы подкупаютъ ихъ своими жертвами и дарами; получилъ богъ подарокъ отъ остяка— долженъ отдарить, дать ему, о чемъ тотъ проситъ. Идетъ остякъ на охоту, на рыбную ловлю,— онъ дѣлаетъ съ богами договоръ: „если убью трехъ соболей, одного тебѣ, если шесть, то двухъ“, „если тоня будетъ удачная, то самую большую рыбу тебѣ, иначе—ничего не получишь“. Остякъ никогда не нарушитъ своего обѣщанія: поэтому, если богъ не даетъ того, о чемъ проситъ остякъ, онъ сердится на своего бога, даже сѣчетъ его. Съ маленькими домашними божками обращаются еще проще: ихъ просто выкидываютъ вонъ, если они плохо помогали хозяину, и замѣняютъ новыми куколками.

Кромѣ боговъ, остяки, какъ и многіе другіе сибирскіе инородцы, почитаютъ *медвѣдя*.

Про медвѣдя разсказываютъ, что онъ былъ сыномъ верховнаго бога Турма и жилъ на небѣ. Понравилась ему земля и попросилъ онъ отца пустить его на землю. Турмъ пустилъ, но приказалъ медвѣдю ѣсть только злыхъ людей, а добрыхъ не трогать, иначе онъ самъ будетъ убитъ. Потому-то, если медвѣдь задеретъ охотника, то это значитъ, такова воля Турма; это — наказаніе за грѣхи. Но всетаки остяки охотятся на медвѣдя и убиваютъ его, думая, что убить можно только грѣшнаго, провинившагося передъ Турмомъ медвѣдя; убить медвѣдя удается только тому человѣку, который угоденъ Турму. Убивъ медвѣдя, остяки устраиваютъ праздникъ, который продолжается нѣсколько дней, иногда больше. Шкуру убитаго медвѣдя приносятъ въ домъ охотника и кладутъ въ передній уголъ; лапы помѣщаютъ на подставку, а между ними — морду. На глаза ему прикрѣпляютъ серебряныя монеты, украшаютъ морду берестяными кружками, на пальцы, если убита медвѣдица, надѣваютъ берестяныя кольца. Кругомъ разставляютъ пищу, питіе. Какъ только пройдетъ слухъ, что убитъ медвѣдь, сейчасъ же къ охотнику собираются сосѣди и не только близкіе, но и дальніе, за сто, за двѣсти верстъ. А тамъ сто-двѣсти верстъ проѣхать на оленяхъ ничего не стоитъ. Всякій, кто входитъ въ домъ, кланяется въ поясъ медвѣдю, цѣлуетъ его въ морду;

женщины же не могутъ цѣловать медвѣдя, не закрывъ лица платкомъ. Самыя празднества устраиваются по ночамъ, потому что ночью боги ходятъ по землѣ и могутъ увидѣть, какъ остяки почитаютъ убитаго медвѣдя, и похвалятъ за это остяковъ. Съ наступленіемъ сумерокъ сходятся въ домъ гости; охотникъ, убившій медвѣдя, сидитъ по правую сторону отъ него и держитъ руку на его шеѣ. Начинается музыка, потомъ пляшутъ, наряжаются, надѣваютъ маски и устраиваютъ представленія; поютъ пѣсни о томъ, какъ медвѣдь жилъ на небѣ, какъ пошелъ на землю. Наконецъ, устануть плясать, устанутъ пѣть—начинается угощеніе и попойка. Прежде чѣмъ съѣсть кушанье, мажутъ жиромъ или кровью морду медвѣдю, какъ бы угощая его. То же повторяется нѣсколько ночей подрядъ.

Справить такой праздникъ стоитъ очень дорого хозяину, поэтому убить медвѣдя,—не представляетъ никакого барыша, а влечетъ лишь за собой расходы; самую шкуру чаще всего жертвуютъ богамъ. Случается, что запасливый хозяинъ на такое празднество истратитъ на угощеніе всѣ запасы, которые заготовитъ себѣ на зиму; но всетаки праздникъ обязательно нужно справить. Остяки вѣрятъ, что медвѣдь, даже мертвый, все видитъ и слышитъ, знаетъ, кто правъ, кто виноватъ.

Самой страшной клятвой считается клятва на лапѣ или на зубѣ медвѣдя. Медвѣжій зубъ носятъ остяки у себя на поясѣ. Когда клянется, остякъ кусаетъ этотъ зубъ и говоритъ: „если я не правъ, то издери и съѣшь меня!“ Этой клятвы остякъ никогда не нарушитъ.

Есть люди, по вѣрованію остяковъ, наиболѣе угодные богамъ, просьбы которыхъ могутъ быть скорѣе услышаны, чѣмъ обыкновенныхъ людей. Такихъ людей русскіе называютъ „шаманами“. Званіе шамана переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, иногда къ дочери.

Приносить жертвы можетъ всякій остякъ; болѣе важныя жертвоприношенія совершаютъ шаманы. Они же собираютъ приношенія идоламъ, а также предсказываютъ будущее и лѣчатъ больныхъ.

Жертвоприношенія большія бываютъ по какому-нибудь случаю, или передъ началомъ рыбной ловли, или послѣ ея окончанія, или передъ отправленіемъ на зимнюю охоту и т. п. Въ жертву приносятъ обыкновенно оленя, а самой пріятной для боговъ жертвой считается лошадь, потому что лошадей тамъ мало и стоятъ онѣ очень дорого. Животныхъ еще живыхъ колютъ ножами и собираютъ кровь въ чашку. Этой кровью угощаютъ идола: мажутъ ему губы, а затѣмъ пьютъ сами. Послѣ этого животныхъ или душатъ, или рѣжутъ; мясо ихъ

варится и съѣдается присутствующими; потомъ остяки пляшутъ, поютъ пѣсни, и начинается пьянство. Часть водки выливается на землю въ честь бога,—это значитъ, что богъ самъ ее выпилъ. На такія празднества остяки сходятся за сотни или болѣе верстъ; сюда же несутъ они и свои приношенія.

Къ шаману обращаются еще тогда, когда нужно бываетъ узнать волю боговъ, такъ какъ съ богами можетъ разговарить только онъ. Гадаетъ о будущемъ тоже шаманъ. Нѣкоторые шаманы такъ славятся своимъ искусствомъ, что ихъ приглашаютъ за тысячу верстъ и болѣе. Шаманъ является, надѣваетъ особое платье, обыкновенно кожаное, увѣшанное металлическими побрякушками; на головѣ надѣта металлическая шапка, или же голова остается непокрытой, съ растрепанными волосами. Въ рукахъ у шамана бубенъ, въ который онъ бьетъ колотушкой, обтянутой кожей. Этими звуками шаманъ призываетъ боговъ. Потомъ онъ начинаетъ плясать, кружиться; пляшетъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ на полъ; тутъ онъ начинаетъ говорить безсвязныя слова, а окружающіе стараются разслышать и понять ихъ смыслъ: въ нихъ вѣдь отвѣты на то, о чемъ гадали. Во время такихъ заклинаній шаманъ поетъ также и пѣсни; въ этихъ пѣсняхъ говорится о томъ, что шаманъ уходитъ въ тотъ міръ, гдѣ живутъ

боги, плыветъ по прекрасной рѣкѣ, видитъ боговъ, говоритъ съ ними... Чтобъ показать, что боги дѣйствительно говорятъ съ нимъ, шаманъ пускается на хитрость. Напримѣръ, привязываетъ къ палкѣ передъ идоломъ веревку и, когда эта веревка, случайно или хитростью шамана, начинаетъ двигаться, то остяки думаютъ, что съ шаманомъ говоритъ божество. Шаманы обманываютъ такимъ образомъ остяковъ; но бываетъ, что они сами твердо вѣрятъ въ себя, вѣрятъ въ то, что они говорятъ съ богами. За свое дѣло шаманы получаютъ щедрыя приношенія; за жертвоприношеніями имъ отдается лучшая часть мяса животныхъ. Они могутъ также пользоваться вещами, приносимыми въ даръ богамъ.

Остяки вѣрятъ, что болѣзни насылаются на людей богами; поэтому и больные обращаются за помощью къ шаману. Онъ узнаетъ, какой богъ разгнѣвался на заболѣвшаго, за что, и что нужно сдѣлать, чтобы выздоровѣть. Шаманы обыкновенно заставляютъ принести этому богу жертву изъ оленей, одежды, мѣховъ.

Остяки вѣрятъ, что со смертью человѣка, жизнь его еще не совсѣмъ прекращается. Покойникъ будетъ жить въ подземномъ царствѣ и послѣ своей смерти еще столько же времени, сколько жилъ на землѣ, и будетъ жить такою же жизнью, какъ на землѣ. Если здѣсь былъ

богатъ, то и тамъ будетъ богатъ; бѣднякъ и

Зимнія юрты остяковъ.

тамъ останется бѣднякомъ; если кто здѣсь имѣлъ

работника, то этотъ работникъ послѣ своей смерти будетъ служить и тамъ своему хозяину.

Если покойникъ за гробомъ будетъ вести прежнюю жизнь, то, значитъ, будетъ нуждаться въ томъ, въ чемъ нуждался здѣсь,—значитъ его нужно снабдить всѣмъ необходимымъ для жизни. Поэтому умершаго старательно одѣваютъ въ лучшія одежды, снаряжаютъ въ дальній путь. Затѣмъ его кладутъ въ гробъ, сдѣланный изъ лодки, и закутываютъ шкурами. Въ гробъ ставятъ пищу и питье, чтобы покойникъ могъ утолить голодъ и жажду; туда кладутъ табакъ, трутъ, огниво. Кромѣ того съ покойникомъ въ ту жизнь пойдетъ и необходимая домашняя утварь, чашка, ложка, ковшъ и проч. Большая посуда, какъ котлы, чайники, не уложится въ гробъ: ее кладутъ сверху уже на могилѣ. Чѣмъ богаче былъ человѣкъ, тѣмъ больше на его могилѣ будетъ наложено разныхъ вещей. Украсть что-нибудь съ могилы считается самымъ тяжкимъ грѣхомъ. На кладбище покойника отвозятъ на оленяхъ, которыхъ закалываютъ на его могилѣ; думаютъ, что они пойдутъ съ нимъ и послужатъ ему въ той жизни. По смерти остяка, его родственники дѣлаютъ куклу, которая должна изображать умершаго. Вдова сажаетъ за столъ куклу своего умершаго мужа, подноситъ ей кушанья, кладетъ съ собой спать и вообще нѣжно заботится о ней; она думаетъ, что этимъ

она заботится о своемъ покойникѣ. Это продолжается обыкновенно годъ; по истеченіи же года, эту куклу относятъ на кладбище и зарываютъ на могилѣ умершаго.

Такова была вѣра остяковъ, когда русскіе пришли въ ихъ страну; почти такова осталась она и теперь, спустя 300 лѣтъ.

Остяки очень добродушный народъ, но съ женами обращаются плохо. На сѣверѣ у оленеводовъ, женщина считается рабой мужа и существомъ не чистымъ. Тамъ мѣсто, на которомъ сидѣла женщина, окуриваютъ, чтобы очистить его. Во время родовъ, женщина, несмотря на зимнюю стужу, не должна быть въ чумѣ; она родитъ въ особой клѣтушкѣ, куда не входитъ мужчина; здѣсь еще холоднѣе, чѣмъ въ чумѣ, поэтому въ зимнее время и родильница и новорожденный часто простуживаются и заболѣваютъ. Когда то въ старину остяки похищали себѣ женъ изъ чужого рода; теперь невѣстъ уже не воруютъ, но остякъ привыкъ смотрѣть на свою жену, какъ на вещь, ему принадлежащую, какъ на свою рабу. Женщина находится вполнѣ подъ властью мужчины. Поэтому дѣвушекъ выдаютъ за-мужъ отцы или братья, не спрашиваясь у нея, а за кого захотятъ. Остякъ, желающій жениться, договаривается о цѣнѣ съ отцомъ невѣсты, платитъ деньги и покупаетъ такимъ образомъ себѣ жену.

Плата за невѣсту называется „калымъ“. Цѣны на невѣстъ разныя, смотря по тому, богатъ или бѣденъ отецъ невѣсты. Богатый человѣкъ продаетъ дочь за 50, за 100 оленей, побѣднѣе за 20, 25. Отцы берутъ калымъ потому, что не хотятъ даромъ отдавать изъ своей семьи работницы. Поэтому и мужъ смотритъ на купленную жену, какъ на купленный товаръ, которымъ онъ можетъ распоряжаться, какъ ему угодно.

Остякъ-язычникъ можетъ имѣть нѣсколько женъ; но это встрѣчается рѣдко, такъ какъ большинство ихъ—народъ бѣдный и остяку не на что бываетъ купить нѣсколько женъ.

Можно жениться на двухъ сестрахъ, только родныя сестры рѣдко уживаются съ однимъ мужемъ.

Остяки, живущіе южнѣе, болѣе отстали отъ своей старины, они и на женщину смотрятъ уже по иному, и нечистымъ существомъ ея не считаютъ. Калымъ за невѣсту платится и здѣсь: богатые родители берутъ за дочерей рублей на 100, 200, 300 скота, платья и денегъ, бѣдные довольствуются 40—80-ью рублями.

Женятся остяки иногда и на русскихъ дѣвушкахъ. Обыкновенно, впрочемъ, за остяковъ выдаютъ своихъ дочерей только очень бѣдные родители, по нуждѣ: русскія дѣвушки не привыкли переносить всего того, къ чему привы-

ченъ остякъ. Одна нужда можетъ заставить пойти на трудную, неприглядную жизнь съ инородцемъ.

V. Чѣмъ живутъ остяки.

Прежде не было русскихъ въ остяцкой странѣ, а теперь за триста лѣтъ, какъ они пришли туда, ихъ стало гораздо больше, чѣмъ остяковъ и всѣхъ другихъ инородцевъ. Конечно, житье бытье остяковъ должно было измѣниться отъ этого. Прежде они одни были полными хозяевами и своей земли, и лѣсовъ съ ихъ богатой охотой, и рыболовныхъ угодій по рѣкамъ. Теперь же они должны многое уступать русскимъ пришельцамъ. Посмотримъ, какъ живутъ остяки, чѣмъ занимаются и увидимъ, что сталось съ ними съ приходомъ русскихъ.

Не всѣ остяки ведутъ одинаковый образъ жизни. Одни изъ нихъ кочуютъ, другіе осѣдлы. Кочевать съ мѣста на мѣсто остяковъ заставляютъ ихъ занятія. Тѣ, которые разводятъ оленей, переходятъ со своими стадами лѣтомъ къ сѣверу, зимой къ югу; тѣ, которые занимаются только охотой и рыбной ловлей, переходятъ лѣтомъ на берега рѣкъ и озеръ, осенью же и зимой уходятъ въ лѣса за звѣремъ и птицей. Наконецъ остяки, живущіе по рѣкѣ Иртышу, основались прочно на своихъ мѣстахъ и стали

даже заниматься земледѣліемъ и огородничествомъ; но и они также ловятъ рыбу и ходятъ на охоту, только не перемѣняютъ для этого своего мѣстожительства.

Остяки, живущіе большую часть года на одномъ мѣстѣ, имѣютъ только немного оленей; большія стада требуютъ пространныхъ пастбищъ и вовсе не допускаютъ жизни осѣдлой. Оленеводы со своими стадами кочуютъ въ сѣверной части страны, въ низовьяхъ Оби, ближе къ морскому берегу. Тамъ же на сѣверѣ живутъ и самоѣды, которые также занимаются оленеводствомъ. Съ наступленіемъ лѣта появляется такое огромное количество комаровъ и мошекъ, что олени начинаютъ переходить къ сѣверу, ближе къ морю, гдѣ меньше нестерпимой мошкары; съ ними должны двигаться и ихъ хозяева. Къ зимѣ оленьи стада переходятъ южнѣе, гдѣ можно достать корму; питаются они оленьимъ мохомъ. Такъ остяки-оленеводы и ихъ мѣстожительство вполнѣ зависятъ отъ оленьихъ стадъ. И живутъ они исключительно со своихъ оленей: изъ шкуръ ихъ приготовляютъ лѣтнюю и зимнюю одежду, шкуры же идутъ на устройство зимняго чума, оленьимъ мясомъ питаются, на оленей же вымѣниваютъ разные необходимые товары: олень въ этомъ случаѣ замѣняетъ деньги. Кромѣ того оленей же употребляютъ и для ѣзды. Хотя

олени и очень упрямы, но ихъ очень скоро пріучаютъ и къ упряжкѣ и къ ѣздѣ. Оленей запрягаютъ въ нарты—высокія (до полутора аршинъ) сани. Запрягаютъ одного или двухъ, трехъ, четырехъ оленей рядомъ. Къ рогамъ крайняго слѣва оленя привязывается одна только возжа, но олени такъ выѣзжаны, что понимаютъ и съ помощью ея одной приказанія хозяина. Олени выносливы, бѣгутъ быстро, но очень часто, черезъ каждую четверть часа, останавливаются: постоятъ минутку, наберутся духу и помчатъ дальше. Въ сутки можно проѣхать на нихъ до полутораста верстъ. На нихъ ѣздятъ въ тундрахъ и лѣтомъ и зимой. Олени употребляются для ѣзды не только оленеводами, но и прочими остяками, у которыхъ бываютъ домашніе олени. Прежде оленеводы были гораздо богаче, владѣли тысячами и десятками тысячъ головъ оленей. Теперь же остяки вообще сильно обѣднѣли; обѣднѣли и оленеводы. Для прожитія нужно больше продавать и убивать оленей; купцы (изъ русскихъ и зырянъ) увеличиваютъ цѣны на свои товары, а расплачиваются остяки оленями; кромѣ того болѣзни сильно истребляютъ стада, а лѣчить оленей остякъ почти не умѣетъ; наконецъ, воровство, особенно со стороны хитрыхъ зырянъ, также опустошаетъ остяцкія стада. А самое главное, пока русскіе не заселили огромныхъ прост-

ранствъ остяцкой земли, до тѣхъ поръ всѣ остяки жили оленями и имѣли ихъ по нѣскольку тысячъ головъ; но теперь уже нѣтъ того простора, чтобы водить такія огромныя стада. Стеречь стада отъ звѣря помогаютъ хозяину

Сѣверный олень.

собаки: безъ нихъ онъ какъ безъ рукъ. Хорошія собаки цѣнятся очень дорого, рублей до 35, а считая по остяцки на оленей — до пяти оленей. Эти же собаки пріучены выгонять хозяину изъ стада ѣзжанныхъ оленей для упряжи, когда нужно ѣхать.

Ѣздятъ не только на оленяхъ, а также и на

собакахъ; запрягаютъ ихъ отъ двухъ до двадцати штукъ, обыкновенно по парно гуськомъ. Управляютъ безъ возжей, а при помощи длиннаго шеста. Впереди идетъ обыкновенно одна ученая собака, которая понимаетъ приказанія хозяина. За такую собаку и платятъ дорого, не меньше двухъ оленей. Нарты, въ которыя впрягаютъ собакъ, пониже оленьихъ.

Оленеводы живутъ въ самыхъ неудобныхъ для жилья мѣстахъ, имъ меньше приходится встрѣчаться съ русскими; поэтому у нихъ въ глуши тундръ осталось больше старины; говорятъ, и одѣваются, и живутъ они по старинному. Здѣсь почти нѣтъ крещеныхъ остяковъ,— почти всѣ язычники.

Другіе остяки—охотники и рыболовы. Главная кормилица ихъ—рѣка Обь. Рыбное богатство ея неисчислимо; и водятся въ ней самыя разнообразныя и цѣнныя сорта рыбъ; заходятъ въ Обь и морскія рыбы. Здѣсь ловятся: щука, стерлядь, нельма, муксунъ, осетръ и другія. Еслибы хорошенько и правильно устроить ловлю, соленье и сбытъ рыбы, то обская рыба могла бы приносить остякамъ такіе доходы, которыхъ они теперь и вообразить не могутъ.

Тѣ угодья, которыя находятся въ мѣстахъ жительства инородцевъ, считаются собственностью ихъ; однако продавать ихъ запрещено; въ аренду же можно сдать. Такъ и мѣста по рѣкамъ, удобныя для рыбной ловли, принад-

лежатъ остякамъ. Такія мѣста называются „песками“. Наилучшія мѣста для рыбной ловли находятся по Оби и Иртышу. Такъ какъ ловятъ больше неводомъ, то для ловли выбираются на рѣкѣ мѣста съ ровнымъ и покатымъ отъ берега дномъ; особенно хорошо, если рѣка островомъ раздѣлена на двѣ части, потому что тогда легче добраться до середины теченія, по которому идетъ рыба.

Остяки при своей бѣдности часто не въ состояніи завести рыболовныя снасти, напр. имѣть неводъ, стоящій дорого; или у нихъ не хватаетъ рабочихъ рукъ. Поэтому въ обычаѣ у остяковъ сдавать пески въ аренду русскимъ рыбопромышленникамъ. Снимать пески въ аренду очень выгодное для промышленника дѣло, потому что остякъ сдаетъ свой песокъ по нуждѣ, а ужъ если ему очень плохо, то возьметъ всякую цѣну, какую только поставитъ напиматель. Цѣны бываютъ самыя различныя: рублей отъ 20 до 300 въ годъ. А бываютъ случаи, что нужда заставитъ остяковъ отдать и за 10 рублей въ годъ такое мѣсто, гдѣ ежедневно ловится, не считая мелкой рыбы, по 20 осетровъ, по 200-300 муксуновъ. Обыкновенно промышленникъ, снимая песокъ въ аренду, нанимаетъ его хозяевъ—остяковъ ловить рыбу на ихъ же пескѣ. Промышленникъ даетъ неводъ, даетъ въ задатокъ денегъ, смотря по мѣсту и ловцу. Остяки обязаны половину пойманной

рыбы отдать ему, изъ другой половины берутъ часть себѣ, а излишекъ продаютъ; продаютъ тому же промышленнику. Для него двойная выгода: онъ получаетъ громадную прибыль на своей половинѣ, да кромѣ того купитъ все лучшее изъ остяцкой половины по крайне низкой цѣнѣ. Расплачиваются промышленники не деньгами, а товарами, необходимыми остяку. Здѣсь опять выгода: цѣны за товары назначаетъ самъ промышленникъ; онъ тутъ полный хозяинъ, онъ знаетъ, что остяку необходимы его товары, что онъ принужденъ будетъ взять ихъ по какой угодно цѣнѣ: вѣдь не ѣхать же за ними за сотни верстъ въ городъ, когда они тутъ предлагаются на мѣстѣ. Какъ у оленеводовъ всѣ цѣны переводятся на оленей, такъ у рыболововъ на муксуновъ: расплачиваются мѣрными муксунами; въ мѣрномъ муксунѣ 9 вершковъ длины; вѣситъ такая рыба фунтовъ пять. Дорого обходятся остяку самые необходимые товары. Вотъ, напримѣръ, какія цѣны берутъ купцы: за пудъ муки—15 муксуновъ, а одинъ муксунъ стоитъ копѣекъ 10 и выше (стало быть пудъ муки стоитъ остяку не дешевле полутора рубля); за фунтъ соли—30 муксуновъ, т. е. 3 рубля фунтъ; за фунтъ табаку 300, т. е. 30 рублей; за фунтъ чаю 60—т. е. 6 рублей; сахару—30,—т. е. 3 рубля, за аршинъ сукна, которому цѣна девять гривенъ, даютъ 40 муксуновъ, а это составитъ рубля 4!

Съ рыбнаго промысла, да и съ другого занятія, остяки половину и болѣе добычи должны, стало быть, отдать съемщикамъ и скупщикамъ, отъ которыхъ заранѣе получаютъ рыболовныя снасти для своего промысла. Хотя остяки и владѣльцы своихъ угодій, но почти нѣтъ ни одного такого угодья, которое приносило бы весь доходъ остяку. Оно всегда сдано въ аренду за ничтожную плату: остякъ всегда, только приступая къ работѣ, уже весь въ долгу у рыбопромышленника.

Пойманная рыба покрупнѣе сейчасъ же солится, помельче—вялится. Рыба похуже оставляется для собственнаго употребленія, получше идетъ на продажу. Солить рыбу путемъ не умѣютъ, поэтому соленая она дѣлается жесткою и невкусною, между тѣмъ какъ свѣжая обская рыба замѣчательна по своему вкусу.

Съ рыбаками имѣютъ дѣло большею частью мелкіе скупщики, которые продаютъ скупленную рыбу крупнымъ промышленникамъ. Между крупными дѣлается уговоръ, выше какой цѣны не давать мелкимъ, а эти въ свою очередь стараются выколотить всю возможную прибыль изъ нищихъ остяковъ: и низкими цѣнами, и обманомъ, и обвѣсомъ, и спаиваніемъ водкой.

Обыкновенно, остяки рыболовы занимаются и охотой. Весной и лѣтомъ по озерамъ и островамъ ловятъ водяную птицу сѣтями. Пойманную дичь солятъ въ прокъ и продаютъ.

Послѣ Покрова, какъ станутъ рѣки, остякъ запрягаетъ въ сани собакъ, беретъ ружье, запасъ муки, вяленой рыбы, рыбьихъ костей для собакъ, и отправляется мѣсяца на два въ урманы на охоту за пушнымъ звѣремъ. Охотятся теперь главнымъ образомъ за бѣлками. Бьютъ ихъ изъ ружья или изъ лука. Лукъ — орудіе старинное, но съ нимъ все еще охотятся и теперь; иногда его даже предпочитаютъ ружью, потому что онъ стрѣляетъ безъ шума и не разгоняетъ звѣрей, какъ ружейный выстрѣлъ. Кромѣ бѣлки стрѣляютъ соболя; это звѣрь очень дорогой, и за послѣднее время его все меньше и меньше. Тѣмъ больше радости для охотника встрѣтить и убить соболя. Охота на него очень трудная, потому что соболь—звѣрь быстрый и ловкій, мелькаетъ то тамъ, то здѣсь, а стрѣлять надо непремѣнно въ голову, не то шкурку испортишь. Бьютъ еще волковъ, зайцевъ; изъ водяныхъ животныхъ ловится выдра и боберъ. Боберъ цѣнится очень дорого; шкура продается рублей за 12, а кромѣ того изъ бобра получаютъ благовонное вещество—бобровую струю, которая употребляется остяками при жертвоприношеніяхъ для окуриванія. Изъ одного бобра получаютъ ея отъ 5 до 25 золотниковъ, а каждый золотникъ цѣнится до 2-хъ рублей.—Остяки проводятъ въ лѣсу мѣсяца два, къ Рождеству возвращаются домой, а послѣ Рождества отправляются опять. Къ веснѣ, ког-

да снѣгъ покрывается твердой коркой, хорошо ловятся олени и лоси; имъ въ это время трудно убѣгать отъ охотника, потому что они постоянно проваливаются въ снѣгъ, а охотникъ бѣжитъ на лыжахъ и не проваливается (лыжи— это длинныя деревянныя полосы, которыя привязываютъ къ ногамъ; на нихъ очень удобно ходить по глубокому снѣгу и можно очень скоро бѣгать). Такимъ образомъ охотникъ загоняетъ оленя до того, что тотъ падаетъ и попадаетъ въ руки охотника. Лѣтомъ оленей и лосей ловятъ тогда, когда они заходятъ въ рѣку и погружаются въ воду по горло, чтобы избавиться отъ комаровъ. Ловятъ ихъ также ямами; эти ямы вырываютъ на дорогѣ, по которой звѣрь ходитъ на водопой. Яма покрывается хворостомъ и листьями; звѣрь идетъ себѣ по знакомой дорогѣ, ступаетъ на хворостъ, проваливается и остается въ ямѣ, пока охотникъ не придетъ за нимъ. Часто въ такія ямы забираются медвѣди и кормятся попавшими туда животными, если охотникъ долго не навѣщалъ свою яму. Кромѣ ямъ, на звѣря устраиваютъ особыя западни-самострѣлы. Это—огромный лукъ, прикрѣпленный къ деревьямъ. Звѣрь проходя подъ нимъ, касается веревки, которая искусно проведена къ стрѣлѣ, наложенной на тетиву: тетива спускается, стрѣла летитъ съ страшной силой и убиваетъ наповалъ звѣря;

она пронзаетъ иногда звѣря насквозь: до того силенъ ударъ.

Охотятся остяки съ собаками, которыя цѣнятся ими очень дорого. Обыкновенно собаки ходятъ не на всякаго звѣря: одна отыскиваетъ бѣлку, другая только соболя и т. д. Какъ у оленеводовъ при мѣновой торговлѣ употребляется вмѣсто денегъ олень, у рыбаковъ—мѣрный муксунъ, такъ у охотниковъ—бѣличья шкурка. Напримѣръ, за одинъ аршинъ солдатскаго сукна остяки платятъ купцамъ 20 бѣлокъ, за аршинъ ситцу или холста—3, 4 бѣлки. Каждая бѣлка стоитъ отъ 10 копѣекъ и выше. Прежде охота была гораздо лучше и прибыльнѣе: больше было лѣсовъ. Теперь уже мало остается такихъ нетронутыхъ лѣсовъ, какъ было прежде. Еще давнымъ давно русскіе стали вырубать урманы, на которые остякъ не поднималъ руки: онъ считалъ ихъ жилищемъ своихъ боговъ. Кромѣ того лѣсные пожары, особенно за послѣдніе сто лѣтъ, такъ опустошили урманы, что отъ ихъ прежняго пушного богатства осталось теперь очень немного. Гдѣ прежде стадами бродили лоси и убивались десятками соболя, теперь не видать и слѣдовъ ихъ.

Кое-гдѣ остяки начали заниматься и земледѣліемъ. Раньше они земли не обрабатывали, а переняли это у русскихъ переселенцевъ. Но земледѣліе тамъ не вездѣ годится: имъ занимаются на низовьяхъ Иртыша. Но такъ какъ

лѣто обыкновенно плохое, то хлѣбъ не можетъ хорошо родиться; мѣшаютъ тому и постоянныя наводненія. Поэтому земледѣліе идетъ плохо, и не только у остяковъ, но также и у русскихъ крестьянъ, ужъ издавна привыкшихъ къ земледѣлію. У остяковъ же еще хуже: семьи ихъ маленькія, работниковъ нанимать не на что. При плохомъ урожаѣ и при постоянныхъ наводненіяхъ земля не можетъ прокормить населеніе; поэтому земледѣльцы —и остяки и русскіе— надѣются всегда не на землю, а на рыбную ловлю: „была бы рыба, будетъ и хлѣбъ“, говорятъ они.

Все, что добудутъ остяки охотой, рыбной ловлей, они продаютъ русскимъ торговцамъ, которые объѣзжаютъ остяцкія селенія и скупаютъ ихъ добычу. Если же не продадутъ на мѣстѣ, то везутъ остяки свою добычу на ярмарку въ городъ. Наиболѣе извѣстна ярмарка въ городѣ Обдорскѣ при устьѣ Оби. Она бываетъ на Рождествѣ. Инородцы (самоѣды и остяки) пріѣзжаютъ сюда для уплаты податей, которыхъ они платятъ рублей семь и больше въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сюда привозятъ они свои мѣха, оленьи шкуры, рыбу, кедровые орѣхи. Здѣсь они во что бы то ни стало, стараются сбыть свой товаръ, что-бы расплатиться съ долгами, внести подати; а кромѣ того имъ необходимо обзавестись разными припасами на цѣлый годъ; имъ нужно печенаго хлѣ-

ба, соли, сукна, холста, да еще разныхъ бездѣлушекъ на украшенія, разныхъ лакомствъ. Большею частью у остяка не хватаетъ на все. Тутъ онъ беретъ въ долгъ у промышленниковъ и товаромъ и деньгами, чтобы заплатить старые долги и внести подати. Здѣсь же на ярмаркѣ рыбопромышленники снимаютъ въ аренду остяцкія рыболовныя угодья, договариваются о платѣ, даютъ задатокъ, нанимаютъ рабочихъ. Во время ярмарки многіе остяки выбираютъ себѣ женъ. Все это время, пока остяки проживаютъ на Рождествѣ въ Обдорскѣ, они положительно спаиваются водкой. Скупщики товаровъ любятъ расплачиваться съ инородцами водкой, чтобы нажиться на ней, да еще потому, что съ пьянымъ человѣкомъ прибыльнѣе имѣть дѣло; кромѣ того всѣ жители Обдорска торгуютъ водкой, зная слабость къ ней инородцевъ. Поэтому во время ярмарки происходитъ дикій разгулъ, отъ котораго много терпятъ остяки: пропивъ цѣлый день, они тотъ дѣло недосчитываются бывшихъ съ ними денегъ и шкуръ: пользуются ловкіе люди, большею частью зыряне. Тогда же случается огромное количество кражъ оленей. Инородцы останавливаются съ оленьими стадами въ окрестностяхъ Обдорска: оленекрады ночью объѣзжаютъ стоянки и угоняютъ цѣлыя стада; они такъ наловчились въ этомъ, что на утро угнанныхъ оленей и слѣ-

довъ не найдешь,—а черезъ сутки олени уже будутъ верстъ за двѣсти.

И такъ оленеводствомъ, а больше всего рыбной ловлей живутъ остяки. Какимъ случайностямъ подвергаются они, какіе несутъ труды, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе! Лучше другихъ живутъ тѣ изъ остяковъ, которые владѣютъ хорошими озерами или „песками“: они могутъ ихъ сдать въ аренду. И нельзя сказать, чтобы остяки мало зарабатывали, мало получали со своихъ промысловъ; нѣтъ, они могутъ заработать порядочно; но нужно остяку пріобрѣсти себѣ все самое необходимое для жизни у русскихъ купцовъ, а купцы ставятъ такія высокія цѣны, что ни какихъ заработковъ не хватитъ, чтобы можно было жить въ достаткѣ.

VI. Отчего остяки бѣдны.

Вотъ какъ живутъ остяки. Жизнь другихъ инородцевъ Сѣверо-Западной Сибири: самоѣдовъ, вогуловъ почти ни въ чемъ не отличается отъ нихъ. Такъ же жили остяки и прежде. Они остались въ той же темнотѣ, такими же необразованными и невѣжественными, какими были триста лѣтъ тому назадъ. Ихъ невѣжество губитъ ихъ.

Остяку очень мало нужно для существованія: неразборчивъ онъ ни въ жильѣ, ни въ пищѣ, ни въ чемъ другомъ. Прежде добывать себѣ все

необходимое для жизни было легко. А какъ пришли и поселились въ ихъ мѣстахъ русскіе, жить стало куда хуже, труднѣе. Чтобы теперь жить безбѣдно, нужно вдвое противъ прежняго труда и смышлености. Этого то у остяковъ и нѣтъ. Русскіе—сильный, способный народъ; они вполнѣ подчинили себѣ инородцевъ, живутъ и наживаются ихъ трудами, а инородцы теперь въ настоящей кабалѣ у русскихъ промышленниковъ.

Несмѣтныя богатства заключались прежде въ принадлежащихъ имъ угодьяхъ: всего, и рыбы въ рѣкахъ, и звѣря въ лѣсу, было несравненно больше, чѣмъ нужно было остякамъ. Безъ особыхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, при небольшомъ трудѣ, они имѣли необходимое пропитаніе. Поэтому остякъ не привыкъ трудиться до пота лица изъ-за куска хлѣба; онъ лѣнивъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ кротокъ, миролюбивъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, не было причины у него завидовать другому, зариться на то, что принадлежитъ не ему. Оттого то до сихъ поръ остякъ уважаетъ чужую собственность; его нельзя упрекнуть ни въ кражѣ, ни въ обманѣ.

Когда начали селиться русскіе переселенцы и имъ нужно было жить тѣмъ же, чѣмъ жили остяки, русскіе начали отнимать и покупать у остяковъ ихъ лучшія угодья, рыбныя и звѣроловческія, пока не было воспрещено продавать остякамъ своихъ земель. Съ приходомъ русскихъ

увеличились потребности остяка, ему стало нужно вдвое больше противъ того, что онъ получалъ прежде; стало быть, онъ долженъ былъ усилить свои промыслы, а промышлять уже стало труднѣе: уменьшились остяцкія угодья. Пришлось много трудиться, чтобы добыть столько, что добывалось прежде для пропитанія. Какъ стало меньше земли, нельзя стало водить такихъ оленьихъ стадъ, какія бывали прежде; пало оленеводство. Какъ повырубили лѣса, какъ начались лѣсные пожары, началъ уменьшаться звѣрь—охотой уже нельзя было прокормиться; пришлось переходить къ трудному, нездоровому рыбному промыслу; человѣку непривычному это очень тяжело. Теперь съ помощью рыбной ловли остяки перебиваются кое-какъ. По всѣ въ Сибири начинаютъ жаловаться на уменьшеніе рыбы въ Оби; виной тому хищническая ловля, которая часто производится промышленниками и которая губитъ рыбу; очень много сразу вылавливаютъ рыбы, такъ что мало остается ея плодиться или же она гибнетъ напрасно отъ рыболовныхъ снарядовъ.

Когда наѣхали въ Сибирь торговые люди, они почуяли богатую наживу въ этой глухой странѣ, средп этого дикаго народа. Торговля какъ велась прежде, такъ ведется и теперь—мѣновая. Остяки, какъ дѣти, любятъ разныя бездѣлушки, погремушки, украшенія и вымѣниваютъ ихъ на свои товары, пушные и рыб-

ные. Такая мѣновая торговля, разумѣется, весьма выгодна для торговца. Сейчасъ торговцы покупаютъ на Ирбитской ярмаркѣ мѣдныя кольца по 50 коп. за сотню и продаютъ остякамъ каждое кольцо за двѣ съ половиной копѣйки: за 4 штуки они берутъ одну бѣлку, а каждая бѣлка стоитъ копѣекъ 10; и выходитъ, что торговецъ продастъ въ пять разъ дороже, чѣмъ купилъ самъ: на полкопѣйкѣ наживаетъ 2 коп. прибыли!—Кромѣ того всѣ торговцы продаютъ и водку. Это весьма выгодная статья. До русскихъ инородцы не знали водки; русскіе же, увидавъ, съ какой жадностью инородцы набрасываются на водку, воспользовались этой слабостью и пріучили ихъ къ пьянству. Чтобъ остякъ былъ податливѣе при торгѣ, купцы подпаиваютъ его. Тутъ онъ на все пойдетъ, да закупитъ еще бутылку-другую. Потому купцы всегда возятъ съ собой боченокъ съ водкой.

Пріѣдетъ торговецъ къ остякамъ, покупать мѣха или что другое, угоститъ остяка водкой; тотъ разлакомится, проситъ продать, торговецъ говоритъ, что продавать запрещено. Вскорѣ начинается мѣна, а тамъ глядишь: оставитъ торговецъ бутылки три четыре, иногда еще разбавленныя водой, а увезетъ съ собой много дорогихъ мѣховъ; пріѣдетъ на тройкѣ оленей, а увезетъ съ собой десятокъ... Разсказываютъ про одного купца: закупилъ онъ 20 ведеръ вод-

ки за 100 рублей, отправился въ объѣздъ по остяцкимъ юртамъ за покупкой мѣховъ и распродалъ свою водку, наживъ на ней 500 рублей! Дѣло простое: давалъ спачала остякамъ по чашкѣ водки хорошей даромъ; первую бутылку продавалъ за рубль, двѣ вторыя съ водой—по полтора, а слѣдующія три, когда остяки были уже пьяны, наливалъ чистой водой и бралъ за нихъ по 3 рубля.

На сѣверѣ въ тундрахъ за ведро водки купецъ беретъ отъ 4 до 10 оленей, а олень стоитъ рублей 5—7. Во что тамъ обойдется остякамъ ведеръ пять водки, у насъ на эти деньги можно недурную избу поставить.

Не имѣя средствъ къ жизни, остяки идутъ въ работники, входятъ въ долги у русскихъ и совсѣмъ попадаютъ въ неволю. Хочетъ остякъ жениться, нужно внести калымъ; онъ беретъ деньги подъ большіе проценты. Такъ, напримѣръ, онъ отдаетъ долгъ кедровыми орѣхами по 70 коп. пудъ, когда онъ стоитъ 1 р. 20 коп., лосиными шкурами по 3 руб. за штуку, когда она стоитъ 6. Понятно, что крупный долгъ выплатишь не скоро; пройдутъ года, а онъ все не выплаченъ; наростаютъ новые, и такъ остякъ до смерти въ долгу. Но остяки народъ честный, и долги за ними не пропадаютъ. Умретъ должникъ, за него платитъ сынъ, внукъ. Часто они путемъ и не знаютъ, сколько они должны, много-ли еще остается доплачивать; остякъ

помнитъ, что тогда-то взялъ хлѣба, тогда-то холста, но сколько за это поставить—это дѣло купца и остяки полагаются на него; проходятъ года, а купецъ все говоритъ, что долгъ еще не выплаченъ; остякъ вѣритъ на слово и платитъ.

Таково то положеніе инородцевъ. Сильный сосѣдъ давитъ слабаго, темнаго, полудикаго инородца. Безропотно и безмолвно несетъ онъ свое иго. Правда, въ послѣднее время инородцы становятся хитрѣе съ торговцами и промышленниками и нерѣдко не прочь обмануть и ихъ. Торговцы и промышленники сами виноваты.

Всѣ бѣды и лишенія, трудная жизнь, голодовки и вѣковая кабала у промышленниковъ все это приводитъ остяковъ къ очень печальному для нихъ концу: остяки вымираютъ, т. е. родится ихъ меньше, чѣмъ умираетъ. Замѣчено, что остяки вымираютъ больше тамъ, гдѣ живутъ по-сосѣдству съ русскими. Этому есть много причинъ. Виноваты и сами остяки, и сосѣдство съ русскимъ сильнымъ народомъ. Много гибнетъ инородцевъ отъ заразныхъ болѣзней: тифа, оспы, сифилиса и др., и гибнетъ главнымъ образомъ потому, что живутъ они крайне неопрятно; грязь вездѣ: и въ жильѣ, и въ одеждѣ. Кромѣ нечистоплотности, которая помогаетъ болѣзнямъ распространяться, остяки изнуряютъ себя повальнымъ пьянствомъ. Это вредитъ здоровью, а заразная болѣзнь скорѣе пристаетъ къ человѣку, который вообще слабъ

здоровьемъ. Затѣмъ у инородцевъ въ огромномъ количествѣ мрутъ дѣти въ самомъ раннемъ возрастѣ. Дѣти плохо питаются, за ними нѣтъ ухода, а отъ той грязи, среди которой живутъ, дѣти заражаются болѣзнями еще скорѣе, чѣмъ взрослые. Умираетъ дѣтей очень много; иногда въ цѣлой деревнѣ не остается ни одного ребенка, а родится дѣтей очень мало: остякъ вообще мало плодовитъ.

Въ заключеніе надо сказать, что русское правительство заботится о томъ, какъ бы улучшить положеніе инородцевъ: облегчаетъ подати, запрещаетъ русскимъ торговцамъ продавать водку остякамъ, устраиваетъ хлѣбные и пороховые магазины; изъ этихъ магазиновъ инородцы могутъ брать въ долгъ хлѣбъ и порохъ; брать въ долгъ изъ казенныхъ складовъ остяку, конечно, гораздо выгоднѣе, чѣмъ у какого-нибудь купца. Такіе казенные склады могутъ помочь бѣднымъ инородцамъ выйти изъ неволи, въ которую они попали къ промышленникамъ. А отъ этой то неволи и происходитъ ихъ бѣда. Остяки—народъ слабый и безпечный и терпятъ поэтому гораздо больше, чѣмъ бѣдняки изъ русскихъ, которые попадутъ въ ту же бѣду. Русскій человѣкъ—сильный, смѣтливый и живетъ часто въ достаткѣ тамъ, гдѣ инородецъ впадаетъ въ нищету.

ИЗДАНІЯ
ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Москва, Кузнецкій мостъ, пассажъ Попова, № 21.

НАРОДЫ РОССІИ

подъ ред. Н. Харузина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Остяки. Д. Турскаго. 6 к.
Якуты. К. Сергѣева. 3 „
Вотяки. В. Х. . . . 5 „

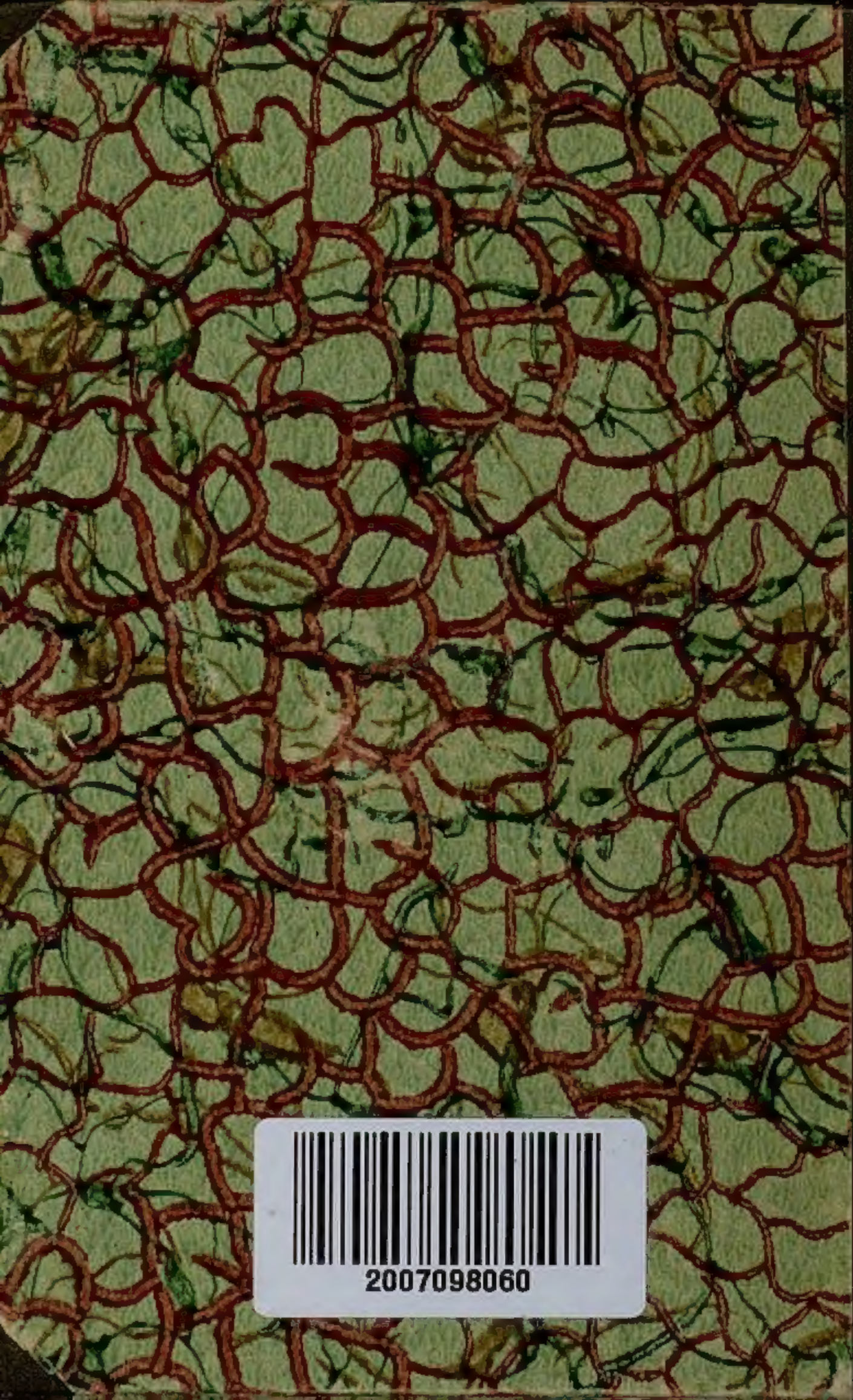
Разсказы объ Осетинахъ. Н. Ж. . . . 6 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Самоѣды.
Лопари.
Жизнь русскихъ крестьянъ на сѣверѣ.
Мордва.
Черемисы.
Финляндцы.
Эсты.
Чуваши.
Башкиры.

Крымскіе татары.
Киргизы.
Алтайскіе инородцы.
Туркмены и Сарты.
Буряты.
Калмыки.
Тунгусы.
Гиляки.
Армяне.
Грузины.

Книжный магазинъ Общества имѣетъ въ продажѣ дешевыя народныя и дѣтскія книги. Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.



2007098060